

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: ДВИЖЕНИЕ КУЛЬТУР, ТЕХНОЛОГИЙ И ИМПЕРИЙ

ВЛАДИВОСТОК, МАЙ 2017

Дальневосточное отделение РАН
Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан
Дальневосточный федеральный университет

III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: ДВИЖЕНИЕ КУЛЬТУР, ТЕХНОЛОГИЙ И ИМПЕРИЙ

Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдиков

Владивосток
Дальнаука
2017

На наш взгляд, возрождение в XXI в. архаичной традиции получения огня с помощью деревянного огневого прибора связано с хозяйственной деятельностью: при семейной форме собственности на оленьи стада человек может рассчитывать в основном на собственные силы и, как его предки, ищет помощь в магических силах окружающей природы Крайнего Севера. Возвращение традиционного образа жизни и хозяйственного уклада, связанного с системой жизнеобеспечения, восстанавливает и мировоззренческие модели, переплетающиеся с разными элементами религиозно-обрядовой практики.

Фиксация наблюдаемого обряда процесса обучения «высверливания нового» огня основана на наблюдательно-описательном методе с фотодокументацией основных операций. Введение в научный оборот фотоматериалов делает их полноценным источником при изучении такой безгранично обширной темы, как взаимосвязь «человек–огонь» в ее историческом развитии.

Ключевые слова: Чукотка, Крайний Север, огнедобыча, береговые чукчи, коряки.

A. Mitko

"THE LAST OF THE MOHICANS" (ABOUT THE TRADITIONAL METHOD OF OBTAINING FIRE BY REINDEER HERDERS OF CHUKOTKA IN THE 21ST CENTURY)

In August 2007, in the area of Pegtymel in Chukotka, the Chukchi family of reindeer herders celebrated the ritual feast "The Day of the Young Deer". Archaeologists from the scientific centers of Moscow, St. Petersburg and Kemerovo, who visited the monument of rock art in the area, attended the celebration. They fixed the main events of the holiday. One of the central ceremonies of the traditional holiday was the production of fire traditional for the Chukchi way. They used a fire device for this: a wooden plank in the shape of a human figure and a drill. In addition, the oldest woman taught one of the members of the family, a young girl, the methods of obtaining a "new", "pure" fire.

It is known that already at the end of the 19th century, in the northeast of Eurasia, fire for ritual purposes was mined by drilling. The coastal Chukchi, like their neighbors, the Koryaks, by the beginning of the 20th century, practically lost the tradition of ritual use of "okhraniteley". In the nomadic groups of the Chukchi, it was often hidden, preserved throughout the Soviet period.

In our opinion, the revival in the XXI century of the archaic tradition of obtaining fire with the help of a wooden fire device is associated with the restoration of traditional economic activities. With a family form of ownership of reindeer herds, a person can rely mainly on his own resources and how his ancestors seek help in the magical powers of the natural environment of the Far North. The return of the traditional way of life and the economic structure associated with the life support system, resources and worldview models, interwoven with different elements of religious and ritual practice.

Fixation of the observable rite of the process of learning to "drill out a new" fire is based on the observational-descriptive method with photo-documentation of the basic operations. The introduction into scientific circulation of photographic materials makes them a full-fledged source in the study of such an infinitely vast topic as the relationship "man – fire" in its historical development.

Key words: Chukotka, Far North, fire-producing, coastal Chukchi, Koryaks.

МИР-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ В АРХЕОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

В.И. Мордвинова

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь;

Институт всеобщей истории РАН, Москва

В статье анализируются возможности применения мир-системного подхода в археологии. Дается определение сетей взаимодействия, рассматриваются их основные свойства: содержание (выраженное через предмет взаимодействия), масштаб и длительность. На примере предметов сарматского звериного стиля показываются возможности применения мир-системного подхода как интерпретационной модели для археологического материала. В частности, паттерны распространения этих вещей в погребальных комплексах Северного Причерноморья нескольких хронологических периодов, скорее всего, отражают сети взаимодействия политических элит и их изменение.

Ключевые слова: мир-системный подход, знаки власти, сети взаимодействия, политические элиты, звериный стиль.

Феномен звериного стиля с самого начала его исследования рассматривался как этнографическая особенность народов, обитавших в древности в Северном Причерноморье (Толстой, Кондаков, 1890; Hirtzsch, 1929). Предметы звериного стиля раннего периода считались принадлежавшими скифам, а более поздние экземпляры были ассоциированы с сарматами. М.И. Ростовцев связывал

факт существования различий между скифским и сарматским искусством с этническими различиями между этими народами. В качестве отличительных черт сарматского звериного стиля Ростовцев выделял полихромную (использование многоцветных вставок) и преимущественное изображение сцен охоты и борьбы животных (Rostovtzeff, 1929: 55–56).

Согласно преобладающей точке зрения, предметы «нового звериного стиля» оказались в Северном Причерноморье вместе с очередной «волной» мигрантов с дальних восточных территорий, как результат их «инфильтрации» в среду местного населения (Rostovtzeff, 1929: 106; Засецкая, 1980; 1989; Селиванова, 1990). Основным методическим недостатком этой концепции является исходное положение, согласно которому появление в материальной культуре новых категорий предметов или предметов новой формы происходит вследствие миграций и этнических трансформаций. Не принимается во внимание возможность распространения предметов звериного стиля и их археологизации в виде ключевых элементов погребального ритуала под влиянием других факторов, в частности политического.

В рамках этнической модели звериный стиль сарматского времени обычно рассматривается как «чуждое искусство». При этом практически все находки предметов сарматского звериного стиля происходят из погребений элиты (случайные находки, видимо, также составляли часть подобных комплексов). В большинстве случаев они изготовлены из драгоценных металлов и очевидно являются предметами престижа. Связь с элитарной культурой делает предметы звериного стиля важным источником для изучения культурно-политических процессов в древних обществах Северного Причерноморья. Элита разного происхождения играла наиболее активную роль в политической жизни любого общества. Этот информационный потенциал источника до сих пор не задействован. Поэтому представляется целесообразным использование для изучения феномена звериного стиля инструментария мир-системного анализа как наиболее эффективного на сегодняшний день способа выявления и характеристики социальных связей различного масштаба.

Мир-системный метод изучения объективной реальности впервые был сформулирован И. Валлерстайном в начале 70-х годов XX в. (Wallerstein, 1974), в период повсеместного сближения гуманитарных и естественнонаучного знания, наряду с появлением «новой археологии» (Renfrew, Bahn, 1991: 34). Мир-системная система – это совокупность одновременно функционирующих сетей взаимодействия социальных систем различного масштаба и степени сложности. При этом сети взаимодействия – это системы, функционирующие через посредство отдельных индивидуумов и их групп. Под мир-системным анализом в широком смысле подразумевается способ познания социальной реальности, при котором не выделяются государства, но мир-системы являются базовой единицей социального анализа (Wallerstein, 2004; Chase-Dunn, Hall, 1997; Kardulias, Hall, 2008). Отмечается, что применение данного метода предоставляет дополнительные возможности в изучении многокультурных систем и динамики социальной эволюции (Chase-Dunn, Hall, Turchin, 2007: 133).

Чейз-Данн и Холл утверждают, что разные виды взаимодействия различаются по своим структурным характеристикам и степени значимости для функционирования мир-систем. Они выделяют несколько видов сетей, различающихся по масштабу: (1) информационные сети; (2) предметы престижа; (3) политические / военные сети; (4) товары массового потребления (Chase-Dunn, Hall, 1997). По мнению исследователей, крупнейшие сети – это те, посредством которых осуществляется перемещение информации. Обычно более узким является сетевое взаимодействие, основанное на обмене товарами роскоши. Следующая по масштабу сеть включает политии, которые находятся в союзе или в состоянии войны друг с другом. Наиболее мелкие сети – это те, которые основаны на разделении труда в производстве предметов, удовлетворяющих основные повседневные потребности, таких как продукты питания и сырье (Chase-Dunn, Hall, Turchin, 2007: 135).

Сразу после выхода первых работ, в которых мир-системный подход был использован для изучения социально-экономической системы новейшего времени, стало понятно, что этот метод может быть применен к ряду культурно-политических ситуаций древней истории (Ulf, 2009: 85). Базовые принципы мир-системного анализа практически сразу вошли в употребление археологов и историков древности (см.: Kardulias, Hall, 2008: 573). Особенно плодотворным с методической точки зрения было выяснение причин появления аналогичных или сходных артефактов в различных культурах не вследствие одностороннего влияния одной культуры на другую, а как результат существования системы связей. В этом многие положения теории мир-систем последовательно подвергались критике со стороны

(см.: Feinman, 1999). В числе прочего отмечалось, что приверженцы этого метода концентрируются преимущественно на моделях широкого пространственного масштаба, игнорируют роль неутилитарных (эстетических) товаров в создании системно значимых межрегиональных связей, уделяют слишком мало внимания исследованию развития внутри «периферийных» обществ (Feinman, 1999: 53–54; Ulf, 2009: 85).

Несмотря на сравнительно долгое существование мир-системного метода, он практически не применяется для исследования археологических культур Северного Причерноморья. В то же время именно этот регион мира идеально подходит для изучения мир-систем древности. Само его географическое положение обусловило его роль как медиатора во взаимоотношениях различных мировых цивилизаций и экономических систем Старого Света. На этой территории сосуществовали различные хозяйственно-культурные типы. Здесь мир оседлых цивилизаций в процессе колонизации, видимо впервые, столкнулся с миром кочевников. В дальнейшем Северное Причерноморье было включено в сферу интересов Римской империи и стало частью созданной под ее гегемонией мир-системы. Для исследования археологических культур Северного Причерноморья в целом и разработки отдельных вопросов в частности мир-системный метод необходимо скорректировать.

Сети взаимодействия характеризуются определенными свойствами, а именно содержанием (выраженным через предмет взаимодействия), масштабом и длительностью.

Предметом взаимодействия могут быть вещи и идеи (мысленные прообразы каких-либо действий, предметов, явлений или принципов). Механизмы функционирования сетевого распространения вещей и идей имеют некоторые различия. Так, для восприятия идеи необходимым условием является определенный уровень взаимопонимания между ее поставщиком и реципиентом. Идея не может быть принята, если она не разделяется, хотя бы частично, принимающей стороной. В случае с вещами это необязательно. Возможна ситуация, когда назначение и смысл предмета могут быть полностью перекодированы реципиентом.

Те четыре вида сетей, которые описаны в трудах по мир-системному анализу, были выделены, по крайней мере, по предмету взаимодействия (см.: Chase-Dunn, Hall, Turchin, 2007: 135). Однако эта схема, вероятно адекватная для анализа обществ нового и новейшего времени, не вполне применима к обществам древности. Так, в коллективах, организованных по типу “segmentary society” и “chiefdom” (Renfrew, Bahn, 1991: 155), к которым относились, судя по данным письменных источников, «варвары» Северного Причерноморья (Мордвинцева, 2016а), а также в греческих городах-государствах информационные сети типа масс-медиа отсутствовали. Их роль в определенной степени выполняли монеты как универсальное средство пропаганды (Абрамзон, 1995), а также предметы искусства, в концентрированном виде несущие идеологическую информацию. Представляется, что по предмету взаимодействия можно выделить три основных вида сетей, связанных с (1) повседневной жизнью, (2) военным делом и (3) властной/символической сферой (к которой относятся и средства пропаганды). Они базируются на коммуникации ответствующих социальных групп, которые определены Жоржем Дюмезилем как функциональная группа “Nährstand, Wehrstand, Lehrstand” (Dumézil, 1977: 25–30), т.е. рядовые общинники, воины, жрецы. Такое разделение вполне соответствует уровню сложности обществ, которые будут подвергаться анализу.

Под масштабом сети понимается географический диапазон ее функционирования в конкретный промежуток времени. По этому признаку можно определить уровень межгруппового взаимодействия – от локального (в рамках локальной общины) до глобального (собственно «мир-системного»). Очевидно, что сети любого вида могут быть разного масштаба, в зависимости от функции распространяемого предмета и степени универсальности его возможного применения. Чем проще идея, чем универсальнее вещь, тем большим количеством смыслов он может быть наделен, и соответственно тем шире может быть сеть его распространения.

Длительность функционирования определенной сети – это показатель стабильности связей социальных групп, которые она объединяет. Соответственно констатация начала и прекращения функционирования конкретной сети является знаком разрыва этих связей (особенно, когда одновременно прекращается взаимодействие всех или большинства сетей) или изменения их контента и/или паттерна.

Все перечисленные свойства сетей взаимодействия древних обществ отражены в археологическом материале. Масштаб сетей взаимодействия различных социальных групп посредством вещей / идей в определенном хронологическом диапазоне может быть зафиксирован с помощью картографирования находок. Хотя идеи нематериальны, но некоторые из них, особенно относящиеся к идеологической

сфере, выражены в материальной культуре: изображениях на предметах, в элементах погребального обряда, организации сакрального пространства (например, святилищ и некрополей), конструкции зданий и т.п. Поэтому идеи зафиксированные в форме определенных категорий изобразительного материала (от отдельных мотивов до стилей) и других форм реализации идей тоже можно картографировать и таким образом определить сеть их распространения. Сопоставление карт распространения вещей / идей в различные хронологические периоды позволит сделать предположение о начале, длительности и прекращении функционирования этих сетей. Это представление о содержании, масштабах, длительности и механизмах функционирования сетей взаимодействия можно применить для выявления и характеристики культурно-исторических процессов в Северном Причерноморье, в том числе на материале предметов сарматского звериного стиля.

Поскольку предметы звериного стиля украшены изображениями, то они одновременно относятся и к сфере вещей, и к сфере идей, а их распространение так или иначе было связано с идеологической сферой, в которой они могли выполнять роль средств пропаганды. В качестве идеи употребление сюжетов и мотивов, традиционно относимых к звериному стилю, зарождается на Ближнем Востоке, в частности в искусстве Шумера и Аккада третьего тысячелетия до н.э. Как отмечал М.И. Ростовцев, «однажды появившись, звериный стиль никогда не умирал в Месопотамии и Малой Азии. Ассирийское искусство переняло его и развило все его особенные черты... То же самое относится в большей степени к персидскому искусству, особенно к персидской торевице и ювелирному искусству» (Rostovtzeff, 1929: 8). Однако к началу исследуемого периода предметы звериного стиля были распространены уже на обширном пространстве, в том числе на территории древних государств – в Иране, Бактрии (клад Окса), Китае, а в среде варваров – в степной и лесостепной Евразии. Общий художественный язык этих изделий, хотя возможно по-разному понимавшийся в различных частях этого пространства, тем не менее объединил в одну сеть несколько центров цивилизации и периферийных зон. Наличие такой обширной сети является, видимо, свидетельством того, что кочевники степного пояса Евразии могли быть своеобразными посредниками в контактах между двумя великими цивилизациями древности – Ираном и Китаем. В эпоху Средневековья этот феномен получил название Великого шелкового пути. При этом известно, что кочевники Северного Причерноморья объединяло с древним Ираном также языковое и культурное единство, что, несомненно, облегчало их взаимодействие.

Помимо сферы идей предметы звериного стиля относятся также к сфере вещей. Все эти вещи изготовлены из драгоценных материалов, обнаружены в погребальных комплексах элиты и являются предметами престижа, позволявшими взаимодействовать обладателям властных полномочий.

Престижные вещи могут быть отнесены к двум категориям: (1) предметы, подчеркивающие высокий социальный статус, и (2) предметы, выражающие высокий социальный статус, или символы власти.

Предметы первой группы можно, в свою очередь, подразделить на (а) редкости (диких животных, необычные в данной культуре и вследствие этого ценные вещи); (б) ценности (такие как импортная посуда и драгоценные украшения), которые непосредственно не относились к определенному социальному статусу; (с) «неутилитарные» вещи (предметы, сделанные специально для ритуальных целей); (д) утилитарные вещи, но представленные в необычно большом количестве (нем. «Überausstattung»).

Предметы второй группы – символы власти или инсигнии. В широком смысле, термин «инсигнии» обозначает институализированные предметы, символизирующие право на осуществление должностных полномочий (Бак, 2003).

Распространение погребений элиты, содержащих сходные символы власти, может являться отражением существовавшей в то время сети политических контактов. Такая работа была мной представлена в докладе, прочитанном в мае в Оренбурге (Мордвинцева, 2016б). Повторю здесь основные выводы.

Большая часть предметов звериного стиля в разные периоды сарматской эпохи относилась к инсигниям власти. Их появление / исчезновение в варварских контекстах Северного Причерноморья вероятно всего было связано с изменением сетевых контактов политических элит.

Так, после прекращения феномена скифского звериного стиля новое появление предметов звериного стиля приходится на кон. II – нач. I в. до н.э., т.е. на период правления Митридата Евпатора. Этот потомок династии Ахеменидов присоединил Боспорское царство к своей империи и в последний период его жизни имел резиденцию в Пантикапее. Скорее всего, он прибыл на Боспор со своим двором, т.е. с придворными, челядью, ремесленниками. Интересно в этой связи, что большинство золотых гривен с зооморфными

закончаниями обнаружено в пределах Азиатской части Боспора, в курганах боспорской знати (Ахтанизовская, Буерова могила, Анапа, Артюховский курган). Возможно, появление двора понтийского царя на Боспоре подкрепило иранскую идентичность восточных и северо-восточных соседей Боспорского царства, что отмечал и М.И. Ростовцев. На Нижней Волге и в Прикубанье в этот и более поздний период отмечается практика изготовления собственных инсигний власти, выполненных в зверином стиле. Тенденция использовать зооморфные образы в декоре инсигний еще более усиливается в I – 1-й пол. II в. н.э., когда комплексы с такими предметами концентрируются на границах Боспорского царства – на Нижнем Дону / междуречье Волги и Дона, и в верховьях Кубани (поздние комплексы Зубовско-Воздвиженской группы и «Золотое кладбище»). Со 2-й пол. II в. н.э. в погребения элиты перестали помещать инсигнии, выполненные в зверином стиле. Их заменяют предметы другого облика, близкие формам, известным в северо-восточных провинциях Римской империи. Не исключено, что стремление быть включенными в сеть политических связей, сформированных в рамках такой мощной мировой империи как Рим, сделало неактуальным использование некоторых символов, указывающих на близкое родство с иранским Востоком, с которым Рим находился в этот период в состоянии перманентной войны.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 1995. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.: Москва.
- Бак, Я. 2003. Словарь средневековой культуры. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Засецкая, И.П. 1980. Изображение «пантеры» в сарматском искусстве. *Советская археология*. № 1: 46–55.
- Засецкая, И.П. 1989. Проблемы сарматского звериного стиля. *Советская археология*. № 3: 35–47.
- Мордвинцева, В.И. 2016а. Формирование концепции культурно-исторических процессов в варварском мире Северного Причерноморья в III в. до н.э. – сер. III в. н.э. *История и археология Крыма*. 3: 178–199.
- Мордвинцева, В.И. 2016б. Предметы звериного стиля как инсигнии (на материале погребений варварской элиты Северного Причерноморья III в. до н.э. – сер. III в. н.э.). *Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: 189–196.
- Скрипкин, А.С. 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та.
- Толстой, И., Кондаков, Н. 1890. Древности времен переселения народов. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. СПб.: Типография Министерства путей сообщения.
- Chase-Dunn, C., Hall, Th.D. 1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO: Westview Press.
- Chase-Dunn, Ch., Hall, Th.D., Turchin, P. 2007. *World-Systems in the Biogeosphere: Urbanization, State Formation and Climate Change Since the Iron Age. The World System And The Earth System. Global Socioenvironmental Change And Sustainability Since The Neolithic*. Hornborg, A., Crumley, C. L. (eds.). Walnut Creek: 132–148.
- Dumézil, G. 1977. *Les dieux souverains indo-européens*. Paris: Gallimard.
- Feinman, G.M. 1999. The Changing Structure of Macroregional Mesoamerica: The Classic-Postclassic Transition in the Valley of Oaxaca. *World-Systems Theory in Practice. Leadership, Production, and Exchange*. Kardulias, P.N. (ed.) Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman & Littlefield: 53–62.
- Kardulias, P.N., Hall, Th.D. 2008. Archaeology and world-systems analysis. *World Archaeology*. 40, 4: 572–583.
- Renfrew, C., Bahn P. 1991. *Archaeology. Theories, Methods and Practice*. London: Thames and Hudson.
- Rostovtzeff, M.I. 1929. *The Animal Style in South Russia and China*. Princeton; London: Princeton University Press.
- Wallerstein, I. 1974. *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York.
- Wallerstein, I. 2004. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham, NC: Duke University Press.
- Ulf, Ch. 2009. Rethinking Cultural Contacts. *Ancient West and East*. 8: 81–132.

VI. Mordvintseva

WORLD-SYSTEM APPROACH IN ARCHEOLOGY: FOCUSING ON ANIMAL STYLE OF SARMATIAN TIME IN EURASIA AS AN EXAMPLE

The article analyzes possibilities of applying the world-system approach in archeology. There is given a definition of interaction networks, their main properties are examined: content (expressed through the object of interaction), scale and duration. On the example of objects of the Sarmatian animal style, the possibilities of using the world-system approach as an interpretational model for archaeological material are shown. In particular, patterns of distribution of these things in the burial complexes of the Northern Black Sea region of several chronological periods most likely reflect the interaction networks of political elites and their development.

Key words: world-system approach; emblems of power; interaction networks; political elites; Animal Style.